

18+

Анатолий Райшев

**МОЁ ЗЕМНОЕ
ПРИТЯЖЕНИЕ...**

Анатолий Райшев

Моё земное притяжение...

«Издательские решения»

Райшев А. И.

Моё земное притяжение... / А. И. Райшев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533710-8

Имея богатый жизненный опыт, человек с необычной судьбой, родившийся и проживающий на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Райшев Анатолий Иванович в 2017 году начал писать рассказы. Основная их особенность — отсутствие художественного вымысла. Все сюжеты реально происходили в разные годы, в разных уголках Югры. Все герои — реально жившие и живущие люди — одноклассники, однокурсники, сослуживцы, коллеги, друзья и просто знакомые. Его рассказы — это история Югры.

ISBN 978-5-00-533710-8

© Райшев А. И.
© Издательские решения

Содержание

Мое земное притяжение	6
Стройка на стойбище	7
Друг мой Левка	8
Знакомство с Сопочиными	10
Создатель фактории	12
«Ну я откинулся, какой базар-вокзал!»	13
Семья и быт Сопочина	16
Наш век недолог?!	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Моё земное притяжение...

Анатолий Иванович Райшев

Редактор Людмила Анатольевна Косполова

Иллюстратор Юрий Григорьевич Гришкин

Дизайнер обложки Никита Анатольевич Райшев

© Анатолий Иванович Райшев, 2021

© Юрий Григорьевич Гришкин, иллюстрации, 2021

© Никита Анатольевич Райшев, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-3710-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мое земное притяжение

Аборигены всегда считали и считают, что от доброго отношения к Земле зависят их здоровье и благополучие. Они не допускают насилия над Природой, с раннего детства воспитывая уважительное отношение к ней. Отсутствует жадность, обман, все согласовывается с Совестью, все рассчитывается на Вечность. Притяжение Человека-Аборигена и Земли – очевидно.... чего, к сожалению, так не хватает современным цивилизованным людям...

У этого зверя множество имен иносказательных, название его – табу. На Казыме, например, его называют «Старик священного города», «Большой Вежакарский Бог», «Батюшко Дорогой». Ему поклоняются, его опасаются, его почитают, как родственника. Имя его – МЕДВЕДЬ.

Зверь этот имеет божественное происхождение, он – сын Нуми-Торума. Однажды, нарушив запрет отца, медведь вышел из дому и увидел внизу землю, покрытую лесами. Ему захотелось в лес, и отец в люльке на железной цепи спустил его на остров, где было много ягод черемухи и шиповника. На этот же остров по ягоды приплыли на лодках женщины, взявшие с собой девочку и мальчика в люльках. Медведь зарычал на женщин, те в ужасе убежали, оставив детей. Зверь сожрал девочку, но когда подошел к колыбели с мальчиком, появились охотники с собаками. Зверь, обстрелянный из лука, раненый рогатиной и топором, умер «великой смертью медведя». По сути, он нарушил заповеди отца – следить за порядком на Земле и не причинять людям вреда, и с тех пор Охотникам был снят запрет на его убиение.

Медведю приписывается много разных способностей, например, охранять человека от болезней, разрешать споры между людьми, подгонять лося к самострелу. Медвежью вечерку, поминки – ханты обязательно справляли раньше над каждым убитым медведем. Эти обряды и сейчас проводятся аборигенами, но только в том случае, если «братец» не оказался «нечистым», то есть виновником гибели человека.

У аборигенов развит культ медведя. В прошлом каждая хантыйская семья хранила в доме медвежий череп.

Охотники никогда не говорят: «Пойдем на охоту на медведя». Не произносят: «убить медведя», «снять с него шкуру». Они говорят о Нем уважительно: «Пойдем к Нему в гости, будем снимать с Него Шубу». Нельзя Его ругать без причины и плохо думать о Нем тоже нельзя.

После добычи медведя проводится сакральный ритуал – Медвежьи игрища, которые, по сути, являются обрядом извинения перед Ним, своеобразной помощью перехода Его в иной мир.

В конце семидесятых и я был участником такого обряда. 22 декабря 1977 года мы с Иваном Семёновичем Сопочиным и его сыновьями на двух оленьих упряжках ездили в гости к Нему, снимали Ему Шубу. Что этому предшествовало, как я оказался на этой охоте, как всё происходило, почему я тогда остался жив, какие мне были даны предсказания и как они сбылись – об этом и рассказ.

Стройка на стойбище

После службы в Советской Армии я два года работал с Сургутском районе на строительстве нефтеперекачивающей станции (НПС) «Катесовский Ёган», потом на компрессорной станции «Приобская» (КС-4) – на строящемся газопроводе «Уренгой-Челябинск». В августе 1977 года нашу бригаду СУ-6 треста «Сургутнефтепромстрой» перебросили на вертолете с КС-4 на КС-2 – с юга на север Сургутского района и высадили на обжитую абorigенами территорию.

Это было стойбище семьи Ивана Семеновича Сопочина – жена, четверо детей. В те годы и понятий не было согласовывать все свои действия с хозяевами стойбищ – начальству понравилось очищенное от леса, относительно высокое, не болотистое, песчаное место, решили – здесь будет база, поселок строителей компрессорной станции! А станция по проекту – в километре от стойбища.

Семья абorigенов-первожителей вынуждена была иммигрировать – перебираться вместе со своим скарбом на новое место. А здесь у них были жилые постройки с лабазами, и жили они в деревянных традиционных домиках. Они переехали километров за сорок от обжитого угла. Потом я не раз бывал там – место, конечно, далеко не лучше Орт-Ягуна. Так называлось стойбище, занятое промышленниками. Так стала называться и строящаяся компрессорная станция – «Орт-Ягунская».

Рядом строилась железная дорога «Сургут-Ноябрьский» (точнее, она называлась «Ульт-Ягун – Новый Уренгой»). В восемнадцати километрах от нашей базы находилась строящаяся железнодорожная станция «Когалым» – это был вагон-городок с несколькими барачного типа общежитиями. Но был там небольшой продуктовый магазинчик, и мы туда ездили за продуктами на вездеходной технике – ГТТ, АТС. Ездил за продуктами для бригады, как правило, я – для меня это была хорошая возможность, хоть не на долго, но побыть охотником. Я никогда на этой технике не сидел в кабине, всегда – на кабине с ружьем и всегда, в каждую такую поездку что-нибудь да добывал. А однажды даже на «Урагане» ездил, сидя верхом на кабине, с ружьем, на железнодорожную станцию «Когалым». Но кто бы мог подумать?! Тогда я подстрелил кополуху (глухарку), и добычу отдал механикам-водителям этой грозной техники.

Зимы в те годы были еще по-настоящему сибирские. В октябре уже были морозы под -35. Жили мы, почти до Нового Года, в армейских палатках. От обычных туристических палаток отличались они только размерами – в палатке устанавливали семнадцать кроватей, две печки-буржуйки, дежурный всю ночь топил их. Спали в спальнях мешках из верблюжьей шерсти. Забирались в спальники, хоть и не в ватниках, но в верхней одежде.

Где-то в октябре месяце меня переманили работать в монтажную бригаду. Я перешел из комплексной бригады в монтажники – это соответствовало моей специальности, здесь я уже стал газосварщиком.

Игорь, бригадир – ушлый мужичок, где-то на газопроводе нашел брошенные вагончики, трактором притащил их на базу, и мы первыми переселились из палаток в них.

Столовой на базе еще не было, бригады сами варили себе. Но питание было крайне однообразное, опостылое – ели, в основном, тушёнку. Даже в вагончиках сидели не на стульях, которых еще не было, а на ящиках с этой консервой. Мне приходилось ее закупать на станции «Когалым», там же брали всякие супы в пакетах, какие-то незамысловатые консервы. Ни картошки, ни других свежих овощей не было.

Друг мой Левка

Я был увлечен охотой. По возможности бегал за территорию базы, что-нибудь да добывал. Бригадир наш был кулинаром по образованию. Даже когда-то, по его рассказам, работал шеф-поваром в ресторане в поселке Игрим в Березовском районе – на моей родине.

Готовил он из добытой мною дичи отменные блюда, не ресторанные, конечно, но всё равно было очень вкусно. Все в бригаде, а нас было человек четырнадцать, говорили: «Ты, Толик, иди на охоту – на работе и без тебя справимся! Ты побольше дичи добывай!» «Как это так? Не работать – получать зарплату!?» – я не соглашался.

Потом предложил свой вариант – все согласились: с утра, да и днем – я на охоте (в основном, добывал куропаток, косачей, белок, зайцев), а вечером – на КС, где мне был подготовлен фронт работ. Строили мы тогда свайное основание компрессорной станции. Для меня прихватывали электросваркой металлические детали, а я с вечера и до двенадцати ночи проваривал эти конструкции.

Еще летом, на НПС, я подобрал щенка западно-сибирской лайки. Назвал кобелька Лёвкой. Он на самом деле походил на льва – рыжий, богатая шерсть, гривастый! Чей он был – не знаю. Наверное, был бесхозным. Но кто-то его кормил, он был чист и шибко уж пах одеколоном. Кто его обмазывал и зачем – не понятно. Я его промыл, прикормил и он стал лучшим моим Другом.

Зима 1977 года. Работники компрессорной станции. В центре – Ху@гага, по имени его никогда и никто не называл (редкая кличка!). Рядом я, как обычно, с неразлучным другом Левкой.

Левка был со мной везде. Ночью спал под моей кроватью в вагончике. Куда бы я не пошел, он, как истинный друг, брал кисть моей руки своими зубами, ему неудобно, голова закинута назад и чуть на бок, но всё равно он так и шел, держась за мою руку.

Сваривал я в темное время суток. Левка где-нибудь приспосабливался, ложился, смотрел в мою сторону и ждал окончания работ. Что такое смотреть на электросварку – все знают, у нас это называется «нахвататься зайчиков». Поймал несколько таких «зайчиков» – будешь маяться «песком» в глазах, истекать слезами и не спать несколько ночей.

Я переживал за Левку, пытался его отогнать – ни в какую, всё равно придет, ляжет и будет смотреть на мою работу. Но что интересно, а для меня и до сих пор не понятно – не было у него никаких глазных болезней от электросварки, не нахватывался он этих «зайчиков»!

Днем, на охоте я добывал, кроме прочей дичи, и по несколько белок. В вагончике снимал с них шкурки, вывешивал на просушку. Как-то Игорь, бригадир, решил приготовить блюдо из тушек белок – ну, какое это оказалось объедение! Сроду не едали!

Всё! Теперь все тушки шли на деликатесы. Но я никогда и никому из бригады не показывал процесс снятия шкурки – у белки всегда было много блох! И если бы бригада увидела их, то точно забрезговала бы потрещать эти деликатесы.

Орт-Ягун – это название речки, у которой располагалось стойбище Сопочиных, а теперь мы – строители КС-2. Зимой на охоту я всегда ходил по её льду. Север Сургутского района отличен от юга района. Если на юге района мне было трудно найти какую-либо речку или озеро (кругом густой урман, к тому же, в те времена все карты были засекречены), то здесь озера располагались сплошняком. Вся территория была в болотах, озерах. Высокоствольных лесов практически не было. Это была уже лесотундра. Только вдоль речек был негустой, угнетенный хвойный лес, березняк, ивняк, и только здесь я добывал косачей, куропаток, белок, а петлями ловил зайцев.

В один из дней я довольно-таки далеко уперся вверх по Орт-Ягуну. И вдруг выхожу на место обитания большого семейства выдры. Весь лед речки был исполосован их тропами – они бегали от лунки к лунке, норы были и на кромке берега. Вокруг лунок на речке были рыбы пояди, какашки, а запах стоял крутой – типичный запах испражнений животных, которые едят только рыбу. Запашок далеко не из приятных. Вдруг мой Лёвка начал яростно кого-то облаивать. Обхожу поворотик речки – Лёвка лает в очередную нору у берега. Причем, он подскакивает – отскакивает от норы. А оттуда с шипящим вяканьем вылетает-залетает морда выдры. Вот так они оба друг на друга лают, шипят, подскакивают-отскакивают. Выдра только нюшку своей мордочки и только на мгновение кажет из норы – она защищает свое семейство от каких-то неизвестных ей пришельцев, которые так агрессивно себя ведут на её территории. Я направляю стволы ружья в нору, но в кого и как стрелять, если выдра только на доли секунды резко высовывает часть своей мордашки? Я рассчитываю, думаю нажать на курок перед очередным и одновременным её появлением – так и делаю – нажимаю на курок, стреляю, но... но... её не видно! Не побоялся – оголил руку и засунул её в нору, точнее, в воду норы. Никого не нащупал. Расстроился. Значит, неправильно рассчитал её появление.

Знакомство с Сопочинными

Дело было в конце октября. Решаю в ноябрьские праздники слетать на вертолете в Сургут, попросить там у моего дяди, Танишева Александра Николаевича, страстного охотника, капканы, потом расставить их здесь, на тропах и, конечно, у этой норы. Срубил палку, воткнул её в снег у норы – это будет меткой. За десяток дней все может измениться – заметет все снегом – потом ищи эту нору.

Пошел дальше вверх по Орт-Ягуну. Все эти дни здесь, на охоте, я ни разу никого не встречал. И вдруг, обходя очередной крутой поворот реки, выхожу на аборигенов в малицах, с двумя оленьими упряжками! Здесь они протаскивали невод подо льдом – ловили рыбу. Такая неожиданность! Подошел. Это оказался Сопочин Иван Семенович со своими сыновьями – хозяин того самого стойбища, с которого мы, строители КС-2, его согнали в августе этого года. И, конечно, у них было крайне негативное отношение ко всем нам.

Познакомились. На казымском диалекте хантыйского языка, которым я владел тогда на бытовом уровне, рассказал, кто я и откуда родом, что охочусь, и здесь, недалеко, стрелял в выдру. Для них это стало очень интересным и положительным явлением – когда один из «оккупантов», по своему роду – охотник, что-то там вякает на их языке, да еще на не очень понятном для них диалекте.

Помог им протаскать подо льдом невод, участвуя с ними во всех продуманных, мудрых технологиях этого процесса.

Речка Орт-Ягун – небольшая, шириной всего метров десять-двенадцать, и такого места, где Сопочины ежегодно зимой протаскивали невод, на этой речке больше я не видел, хотя прошел по ней десятки километров. Это был некий затон метров в сто длиной и метров пятнадцать-двадцать шириной. Оттуда, с дальнего конца этого затона, бил большой родник живой воды, куда рыба и подымалась на зимовку.

Мы вытащили неводом много рыбы – крупного окуня, язя, чебака. Рыбу разворошили по снегу и, когда она подмерзла, сложили в мешки, положили на две олени упряжки, закрепили на нартах мои лыжи и тронулись в путь.

Меня довели до базы, прямо к вагончику и вручили гостинец – мешок крупного окуня. Мой приезд на базу – с аборигенами, на оленьих упряжках, конечно, шокировал строителей. А как бригада была довольна! Теперь, кроме дичи, я и рыбы привез, причём, большой и полный мешок!

После знакомства со мной, через несколько дней Иван Семенович с сыновьями впервые приехали на базу, привезли шкурки ондатры, рыжей лисы, песцовые шкурки. И все это он поменял на одеколон и духи. Конечно, не Иван Семенович просил в обмен за шкуры одеколон и духи. Те, кто желал купить меха, ничего другого ему и не предлагали – ни денег, ни продуктов. По сути, происходил принудительный обмен. Накануне у нас открылся магазинчик, водки в продаже не было – по указанию руководства действовал местный «сухой» закон. Но на полках стояли одеколон и духи.

Иван Семенович берет флакон одеколona, открывает, брызгает на свою голову, а остальное стрясывает себе в рот. Так пьяненький Иван Семенович, вместе со своими сыновьями, уехали на двух оленьих упряжках на свое стойбище без грамма муки, сахара, других продуктов.

Меня этот ужаснуло, неприятно поразило. Беру на себя смелость и решаю запретить здесь, на строительной базе, менять у аборигенов пушнину, мясо, рыбу – на водку, одеколон, духи.

А в последнее время контингент строителей существенно увеличился, и среди них стало много бывших эков. Но я и этого не побоялся. Вообще, в свои двадцать два года решил

навести порядок – помочь своим соплеменникам нормально реализовывать пушнину, мясо, дичь, рыбу.

Создатель фактории

Тогда я совершенно ничего не знал об органах власти. Читал в газетах про окружной партком, исполком, но какие у них функции – не ведал. И слухом не слыхивал о какой-либо работе с аборигенами. Были ли какие-либо структуры по работе с коренными малочисленными народами Севера – не знал. Решил навести нормальные порядки по отношению к местным хантам – установить некие правила. Без сомнения и боязни взялся за это дело. Запретил всем обменивать результаты трудов семьи Сопочина И. С. на водку, одеколон, духи. На тот момент думал только об этой семье. Спросил у Ивана Семеновича о необходимых для семьи продуктах, вещах, материях, деньгах.

На каждый вид пушнины я назначил твердую цену. Шкурка ондатры, очень востребованная в те годы, стала стоить пять рублей. Шкуры лисы и песца – по пятьдесят рублей. Цены на мясо и рыбу были установлены не на много больше, чем в магазинах города Сургута.

Желающие приобрести пушнину, мясо или рыбу, приходили ко мне. Я их заносил в список, образовалась и некая очередность. Обмен на водку, одеколон, духи прекратился. И только раз, когда я вылетал на вертолете в Сургут за капканами, продавец магазинчика обменяла шкуру лисы у Ивана Семеновича на водку, наверное, из своего заглазника. Мне, по приезду, об этом рассказали строители. Я пришел на разборки в магазинчик, «наехал» на нее, она – на меня: «Да как вы смеете? Я – участник войны!» А я всё равно настаивал на том, чтобы она, участник Великой Отечественной войны, вернула Ивану Семеновичу за шкуру лисы нужные семье продукты. На самом деле, в следующий свой приезд Иван Семенович получил от продавца то ли мешок сахара, то ли мешок муки. Ну, а она после этого так полюбила моего Левку, что как только мы с ним заходили в магазин, она звала его за прилавок, хотя всем запрещала даже в магазин заходить с собаками, и хорошо угощала Лёвку нарезанной колбаской.

Стойбища аборигенов располагались друг от друга в десятках километрах. Но поразительно, как точно и быстро они узнавали о хороших или печальных новостях, происходящих у своих соседей. Мне кажется, эти живые быстрокрылые новости были более ценными, востребованными, чем сейчас сотовая связь. Все очень быстро узнают, что на базе КС-2 «Орт-Ягунская» появился Русский Хант (так аборигены меня прозвали), который помогает реализовывать пушнину, мясо, рыбу по хорошей цене и главное – расчет сразу, либо деньгами, либо по желанию – продуктами (мукой, сахаром, как правило, их брали мешками), или по заказу, в том числе и материей.

Вся аборигеновская округа потянулась сюда – на «Орт-Ягун». Как ни странно, довольны были и аборигены, и покупатели пушнины, да и все работники компрессорной станции. В моих действиях меня все поддержали.

Но был и печально-поучительный случай.

«Ну я откинулся, какой базар-вокзал!»

Практически мы все, часто или редко, много или мало, потребляем алкоголь. Когда речь об этом заходит, все рассказывают, как часто тот или иной собеседник выпивает. О себе я говорю – и я люблю выпить, но никогда не маялся похмельем, никогда не пил более одного дня и эти качества, вкусы сохранились и по сей день.

Но нет! Однажды я попал в ситуацию, когда трое суток не просыхал от духов (ударение на «о»)!

База быстро обустраивалась. Уже построены и заселены работниками два брусовых общежития. Брус, доски и прочий строительный материал завозились вертолетами МИ-4, МИ-6, МИ-8, МИ-10. Дороги-зимника до Сургута еще нет, и накатают его только к концу декабря. Железная дорога только строилась.

Что творил начальник СУ-6 Мельников? Почему он понапринимал на строительство КС-2 столько эков? Мы этого начальника недолюбливали и было за что (это тема отдельного рассказа).

Один из эков на стройку приехал с женой. А жили мы тогда еще в палатках. Но вот этот эк тогда ничего не делал – не ходил на работу, не дежурил в палатке. Я тогда еще работал в комплексной бригаде и было нас более сорока человек.

Как-то в один из вечеров бригадир Шубин Николай Михайлович и костяк бригады решили проучить, повоспитывать эка, заставить его работать. Да куда там! В ответ слышали: «Я на зоне не пахал и здесь мне западло работать!» Вообще, он своей наглостью вывел всех из себя, началась махаловка и эк своим отработанным механизмом, молниеносно у него меж пальцев оказывается лезвие от безопасной бритвы, он взмахом руки полоснул по глазам одному из мужиков, который успел отклонить голову и тот бритвой порезал ему переносицу. Этот день, наверное, для него стал последним на воле, впрочем, все к этому и шло. Мужика мог оставить без глаз! И тут, уже без сюсюканий, руки ему скрутили за спиной, связали ноги и единой веревкой за связанные руки и ноги его подвесили на дыбу. В кино что ли этому мужики научились? Это была дыба еще та! Но жалости к эку ни у кого не было. Стонала только его жена и то не громогласно.

Утром прилетел вертолет и его отправили дальше наматывать срок.

Рядом с нашими вагончиками находились общаги. Как-то мы с Левкой проходим мимо соседнего общежития, из которого выходит мужчина с ружьем и целится в моего Левку. Я успеваю подбежать, хватаю за ствол ружья, держу его в сторону от себя, Лёвки и уже набежавших людей. Начинается драчка – оба уцепились за ружье, руки заняты, пинаем друг друга ногами, что-то кричим. Уже нас обступил народ, в основном, женщины.

Вдруг ружье стреляет и, слава Богу, никого не убило! Тут набегают мужики, нас растаскивают, стрелка скручивают. Я беру ружье и со всей силы ударяю прикладом по сосне. Приклад – вдребезги. Ружье – ствол с магазином и цевьем скручиваю ружейным ремнем, забегаю в свой вагончик и прячу.

Стрелком оказался бывший эк. Вмиг со стройки понаехали начальники, его решают поместить в какую-то железную будку под замок. О происшествии было доложено в Сургут, и на следующий день на вертолете прилетел участковый. Он всех допросил, снял показания. А меня, разумеется, спрашивал о ружье, настаивая на его возврате в органы. Да куда там! Я в азарте поясняю: «Стрелок чуть не убил мою собаку, а потом мог и меня пристрелить или кого другого – тогда я в ярости разбил ружье и спустил его в туалет». Туалеты были, как обычно в те времена, общими – на улице. Участковый не стал ружье искать в глубинах человеческих отходов.

И буквально на следующий день про ружье спрашивает мой хороший друг – Колька Симонов.

– Да куда я его не дел, ружье у меня в вагончике припрятано, – отвечаю.

– Если не жалко – отдай его мне, – просит Колька.

Я с удовольствием вручил ему одностволку. Он родом был с Украины, с города Краматорска. Ни один раз он хаживал со мной на охоту. К охоте у него появился азартный интерес. Пусть, думаю, принаравливается к этому делу, а приклад к ружью – сам сделает, либо купит в Сургуте.

Но вернемся к стрелку. Его, связанного, перевозят на вертолетку, потом в Сургут. Больше мы его не видели. Ну, думаю, мне сейчас точно «кранты»! Придут – рассчитаются за своего брата. Вечером вваливаются в вагончик четверо бывших зэков. Сейчас, думаю, без долгих разборок подведут итог. Но все оказалось с точностью до наоборот – все ко мне чуть ли не с лобызаниями, жмут руки, благодарят: «Ну, ты, Толик, молодец, не дал пристрелить своего Лёвку!» Мне до сих пор не понятно. Неужели такое отношение ко мне было только из-за Левки?!

Вытаскивают и сваливают на стол из своих карманов большую кучу флакончиков с духами. Весь стол завалили фанфуриками – именно так зэки называли эту тару.

Говорят: «Толик, мы это дело должны отметить!» Принесли с собой и какой-то закусон, в магазинчике, кроме духов, набрали и колбас. Я никогда не потреблял вместо алкоголя духи, но в этой шекотливой ситуации отказаться было опасно. Попробуй сказать: «Нет, ребята, я духи не пью!» Прикончат еще на хрен...

Зэки организовали стол, стрясли духи из фанфуриков в стаканы, нарезали колбасы, хлеба. Чувствую, что в чистом виде эту белиберду я вряд ли выпью – это ж не водка, это – духи с соответствующим ароматом и приличными градусами – 70—90! «Мужики, – говорю, – я, наверное, буду разбавленные духи пить!» «Разбавленные – так разбавленные!» – отвечают гости. Наливают в стакан с духами воды, и эта смесь на вид становится не как спирт, разбавленный водой – образуется какая-то взвесь мутного, молочного цвета, кисельного состояния. Ну, вообще, оДУХотворяемся по самое некуда! Я вырубаюсь!

Наутро собутыльники – ДУХоборцы снова приходят ко мне, поднимают меня еле живого и снова начинаем причащаться. До упаду! И так три полных дня!

На четвертый день, утром, я в отрубе лежу на полу после вчерашнего ДУХопримания. В вагончик заходят бригадир и почти вся бригада. Наверное, видя, что я оклёмываюсь, Игорь говорит: «Ну, что будем делать с Толиком? Три дня пьянствует, не работает. Как бы мы его не уважали, но надо и меру знать. Что будем с ним делать? Увольнять?» Вообще, бригада решает – как только я очухаюсь, они мне тихо, по-мирному скажут, чтобы я писал заявление на увольнение по собственному желанию. В то же время слышу, как Игорь говорит, чтобы больше никого из посторонних в вагончиках не было: «Пусть Толик очухается!» Я решил: «Всё! Завязываю с духами!». Лёвка рядом лежит. Облизывает мою, но уже морду.

Наверное, еще пару дней я приходил в себя. Здоровье подорвал, грудь впала. И спасибо бригаде – увольнять меня не стали. Я оклемался, вошел в рабочий и охотничий ритм. Всё вернулось на круги своя.

Вот так вот я три дня упивался духами. Потом долго я не мог терпеть их запахов – меня от них тошнило.

Вот и подошел я, наконец, к рассказу о Нем. У народов ханты и манси медведь – тотемное животное. Об этом я, конечно, знал, еще по Тугиянам, где родился, где прошло мое детство. Еще совсем малым, лет шести-семи, я хаживал с пацанами на Медвежьи пляски или Медвежьи игрища, сейчас по-разному это называют. Но в те далекие годы в Тугиянах, да и не только, это

было не театрализованное представлением, все происходило согласно вероисповеданию аборигенов. В те годы был жесткий запрет на Медвежьи пляски и на все, что было связано с язычеством, шаманизмом. Обряд этот проходил скрытно. «Чужаков» на такие игрища не пускали, да их и не было в деревне.

Семья и быт Сопочина

Мы очень сдружились с Иваном Семеновичем, его сыновьями. Я старался помогать ему во всем. Как-то в один из своих приездов Иван Семенович сказал: «Толя, ката путит пальшой снек, ты пайтешь к Нему кости». Говорил он не очень хорошо на русском языке, придется переводить, дословно это звучит так: «Толя, когда будет большой снег, ты пойдешь к Нему в Гости».

Числа 15 декабря Иван Семенович приезжает на оленьих упряжках за мной. Игорь, бригадир, и вся бригада меня с удовольствием отпускают на охоту на медведя на столько дней – на сколько потребуется. Никаких заявлений я, конечно, не писал. Кроме азартного интереса у бригады было желание покушать медвежатину, если, конечно, все сложится удачно. А они в этом были уверены.

Середина декабря месяца – дни самые короткие. На стойбище мы подъезжаем уже в темноте. Стоит чум. Зимний – конический шалаш из жердей, покрытый оленьими шкурами.

Заходим в чум. В семье Ивана Семеновича три сына и дочь.

Старший сын Николай, ему лет 15—17. Правая рука полувысохшая, но он приноровился и по хозяйству все делал – обихаживал оленей, запрягал, управлял ими, занимался охотой, рыбалкой. В школе не учился, русский язык почти не знал, но деньги умел хорошо и безошибочно считать.

Потом – Витя, лет двенадцати. Два года его забирали на учебу в интернат. Тогда, перед началом учебного года, по стойбищам летал вертолет и детей почти что силком, принудительно забирали, увозили в село, где был для них интернат. После двух лет мытарств, он перед сентябрем, заслышав вертолет, куда-нибудь убежал, прятался. Родители к этому так относились: хочет – пусть учится, не хочет – пусть убегает. Не заставляли, не принуждали к учебе. Они хорошо знали негативную сторону интернатовского сосуществования. Но при этом, Витя лучше всех понимал и разговаривал на русском языке.

Младший сын Толя – Анатолий Иванович, мой тезка. Такой шабутной, веселенький молодой мужичок лет семи-восьми. Всегда был занят какими-либо хозяйскими делами, умело обходился с оленями, управлял ими, запряженными в нарты. Мы с ним сдружились. Он всегда приезжал с отцом к нам на базу. Его все интересовало – был любознателен.

1977 год. Компрессорная станция «Орт-Ягунская». Очередной приезд аборигенов на базу. В малице на нартах – Анатолий, младший сын Ивана Семеновича Сопочина. Рядом с ним – строители КС и я со своим закадычным дружкой Левкой.

И уже потом, лет через двадцать пять, курируя в округе вопросы жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, я его встречал в Когалыме и в Русскинских на оленьих гонках. Анатолий всегда становился чемпионом всех гонок на оленьих упряжках, где бы он не участвовал. Не единожды встречал его и в Ханты-Мансийске, когда он со своими оленьими упряжками и с семьей приезжал для работы на стилизованных стойбищах, которые специально устанавливались для гостей и жителей города во время проведения значимых мероприятий – телевизионного фестиваля «Дух огня», кубков, Чемпионата мира по биатлону. Бывал он с семьей и у меня в гостях.

И я ему помогал. Как-то его вместе с семьей пытались его же соплеменники согнать со стойбища, родовых угодий. И такое бывает! Этот произвол я тогда остановил и обязал Ноябрьскую нефтегазоразведочную экспедицию, которая работала на территории его родовых угодий, помогать его семье, заключить с ним экономическое соглашение. Все условия соглашения экспедиция исполнила, сдружилась с семьей Сопочиных. Они мне частенько высылали фотографии, подтверждающие их деятельность и партнерские отношения с этой семьей.

Работники Ноябрьской нефтегазоразведочной экспедиции в гостях на стойбище у Анатолия Сопочина.

Самая младшая в семье – дочь, ей годика четыре-пять.

Когда зашли с Иваном Семеновичем в чум, супруга Ивана Семеновича сразу, ну очень недовольным тоном мне предъявляет заслуженные претензии: «Вы почему спаиваете Ивана Семеновича? Почему за меха, мясо даете ему водку, одеколон?» Мне было крайне неудобно. Все мы были виноваты. Оправдываться я тогда не умел и сейчас не нажил себе таких способностей. Спасибо Ивану Семеновичу, он рассказал хозяйке, кто я – она успокоилась.

Иван Семенович достает полмешка картошки замороженной, показывает её мне, спрашивает: «Что с ней делать?» В последнее время в нашем магазинчике появилась и картошка, я её всегда давал Ивану Семеновичу, заворачивал её хорошо, чтобы она не замерзла на нартах. Рассказывал, как её использовать. Я – обской житель, здесь аборигены, наверное, еще в начале 20 века начали потреблять картошку. А стойбищные – сроду её не садили и не ели. И об этом я тогда не догадался.

Иван Семенович достает еще один мешок, наполовину заполненный всякими супами в пакетиках. И их они ни разу не варили – не их это пища! «Попробуйте, – говорю, – сварить эти супы собакам, может, будут есть, хоть продукт не пропадет даром!»

Ночевать мы в этом чуме не стали. В ночь все семейство, со мной, на четырех оленьих упряжках выехали к другому их стойбищу. У оленных аборигенов, как правило, их несколько: зимнее, где много ягельников – основного зимнего корма оленей, и летнее, с обильной оленьей травой. Еще есть стойбища, богатые рыбой, дичью....

Стойбище, куда мы выехали, было не так далеко от берлоги медведя, к которому мы должны были пойти в гости. Это долгое ночное путешествие на оленьих упряжках для меня было впервой.

Лунная декабрьская морозная ночь. Олени несут нас. На открытых пространствах снег неглубокий, плотный – олени летят! Такое песенное было настроение! Так и вертелись на языке, в ритме оленьего бега и снега, летящего на нас из-под их копыт, слова популярной

в то время песни Полада Бюль-бюль Оглы: «Эх, догоню, догоню, догоню, беглянку догоню!»
Непередаваемое и незабываемое состояние!

Подъехали к стойбищу. Первым делом все, и я тоже, поцеловали в голову большого медведя. Она был размещена на невысокой эстакаде у чума. Как положено, лежала на четырех лапах. Этого медведя Иван Семенович добыл со своим взрослым племянником и старшими сыновьями не так давно. Медведь был огромным. В него они стреляли семнадцать раз. Почему они успели в него выстрелить столько раз, не одиножды перезаряжая ружья, и он, при этом, их не задрал? В этом и есть преимущество технологии добычи медведя зимой по глубокому снегу.

На стойбище был остов чума. Быстро надели на него брезентовую накидку, убрали в чуме снег, установили печь-буржуйку, растопили её – поставили чайник.

Поели оленины, сваренной еще в предыдущем чуме, попили чаю. Супы стойбищные аборигены не варят. В их простом и незатейливом быту нет тарелок. Мясо отваривается в кастрюле, причем, много мяса и большими кусками. Получается очень вкусный, не постный навар. Наливают в кружки – тоже не маленькие. И этот наваристый суп пьют из них. Вареное мясо раскладывают в деревянные неглубокие долбленные блюда. Каждый своим ножом срезает куски мяса – едят, запивая наваром из кружки. Еда простая, но вкусная и полезная.

Наш век недолог?!

Расскажу об очень важных фактах, которые некогда были известными и популярными. Их часто озвучивали у нас в школе, о них вещали по радио, писали в окружных средствах массовой информации и средствах массовой информации Советского Союза.

Это было в конце 60-х, я уже всё понимал, видел и запоминал. Тогда часто говорилось о том, что коренные народы Севера (не только ханты и манси) по продолжительности жизни занимают второе место после кавказских народностей. По крайней мере, на моей памяти, в Тугиянах все так и было. Было много стариков и, особенно, женщин за 80 лет (многие молодые и среднего возраста мужчины погибли в Великую Отечественную войну).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.